

щий сквозь метели к намирским постам. В левую руку она взяла газетный пакет, — большой детский завтрак, благоухающий школой и сероводородом — на половинках черствых булок половинки крутых яиц.

Мы остались в чайхане одни — Фриско и я. Бродяга, бодро фыркая и плюясь, умылся из бешеного ручья и обсушился на солнце. Днем он выглядел дурно; у него были черные, пустые глаза, слишком близко расставленные и один чуть повыше другого, нос, высокий и узкий в переносице, классически расчерченный рот, полный голубоватых зубов. На Фриско болтались студенческие отрепья времен «быстрых как волны»; из мелкого кармана тужурки торчали затейливая деревянная ложка, футляр от бритвы и складной аршин.

— Вот они, — подмигнул мне освеженный бродяга, указывая на галантерею Саидова, — сижу и люблюсь. Пусть повисят еще на воле недельки с две, я не жадный. А потом уж, прошу прощенья, будут мои! Подумать только, стал на работу!

Он звонко заказал старику чаю, заказал кебаб. Сармджан от удивления нежданно повиновался, как очарованный: на узком лбу Фриско лежала сегодня роковая печать богатства и счастливого будущего; лохмотья уже казались словно подернутыми туманом.

— Завтра работай, а? работай? — преданно спросил Сармджан.

Фриско искоса метнул в хозяина орлиный взор:

— Сегодня. В вечерней смене.

Он обратился ко мне:

— Сейчас наш пролетарий придет на жареное. Забавно!

Действительно, пекарь не заставил себя ждать. Очевидно, он успел побывать в городе. Достаточно было одного взгляда на его темное, обузившееся лицо, чтобы догадаться о решительной неудаче. Пекарь грузно сел на очаг, чуть в сторонке от трапезы Фриско и Сармджана. Бродяга не обернулся и лишь еще энергичнее зажевал. От работы ли челюстей, от чего ли другого на его щеках выступил неровный яркий румянец.

— Олим, Олим! — почти враждебной скороговоркой произнес Сармджан пригласительную формулу. Пекарь притворился, что не слышит, и преувеличенно громко перебил:

— Три дня даром промотался, не берут на работу!

— Отчего же? — равнодушно пробурчал Фриско, не подымая головы.

Пекарь порывисто встал и наклонился к нему:

— Я с тобой бродяжить пойду. Надоело места искать. Знаю я, что и работа есть и что люди нужны, да не везет мне. Особенно не везет! Мне бродяжий путь написан.

Фриско кончил есть, неторопливо вытер свою ложку краем какого-то пестрого одеяла, выглядывавшего из-за очага, и хотел сунуть ее в карман.

— Богатая штука! — понуро сказал пекарь, сбитый с толку его холодностью. Он взял ложку Фриско в руки и принялся ее тщательно рассматривать. На скуле его билась под кожей красноватая жилка.

Отщепенец, наконец, решился взглянуть на него. Для начала он смерил медленным оком спину пекаря от стоптанных каблуков до щетинистого затылка; пекарь обернулся, и бродяга встретил его удивление вызывающей улыбкой:

— Бродяжьте, коли под силу! Тоже не каждому дано. А я оседаю... И вот что я хотел спросить: как вы можете даже говорить о бродяженье, когда величаетесь пролетарием?

— Пролетарий, — тихо и твердо сказал пекарь. — Бором не был.

По лицу отщепенца прошла мимолетная гримаса ненависти, он спрятал ее концы в безотносительную усмешку. Пекарь удивительно неудобно устроился на кошме; он полулег, напряженно вывернувшись, как человек, который никогда не привыкнет к неурочной праздности, и принялся барабанить деревянной ложкой по своим крепким и широким ногтям.

— Пойду пошляюсь, — выждав паузу, объявил бродяга, — а то — прощай воля, сегодня уж на работу становлюсь!

— Неужто устроились? — обрадовался он. — Аж легче самому стало! Хоть вы!

— Хоть я.

— Куда это?

Вероятно, Фриско забыл приготовить ложь; ответ застрял у него в горле. И вдруг все представления мои об этом человеке, ставшие уж привычными за пятнадцать часов, пошли вверх дном. Пустые глаза его сверкнули странным сочувствием. Он страдальчески сдвинул брови и отчеканил в упор:

— В пекарне твоей.

Не дожидаясь эффекта, бродяга перепрыгнул через порог и столичной походкой пошел вниз по Татарской.

3

Если можно довериться воспоминаниям, пекарь провалился ничком на этой грязной, как подошва, кошме два с лишним дня, он лежал поперек темной

ВЫСТАВКА „ЖАР-ЦВЕТ“

С. Кузлинский «Парикмахерская»

И. Орлов

«Гурауф»

М. Харламов

«Большая река»

С. Лобанов—«За кулисами Большого театра»

№ 26
23 июня 1929 г.

КРАСНАЯ НИВА

СЕДЬМОЙ
ГОД ИЗДАНИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ГРАВЮРА

СТАРОНОСОВ
1929

КРАСНАЯ

НИВА

26

А. Комаров. Калмычка.
Выставка «Жар-Цвет».